ХРОНІКА ВЫЗВАЛЕННЯ НАСЕЛЕНЫХ ПУНКТАЎ ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ

Празарокі, вёска

Тып населенага пункта	вёска (аграгарадок)
Раён вобласці	Глыбоцкі раён
Год вызвалення	1944
Месяц вызвалення	чэрвень
Чысло месяца	30

Вёска Празарокі ўваходзіла ў склад Пліскага раёна. У ліпені 1941 г. нямецка-фашысцкія захопнікі арганізавалі ў Празароках гета, куды сагналі яўрэйскае насельніцтва з Празарокаў і навакольных вёсак. 6 снежня 1941 г. гета было ліквідавана, 380 чалавек былі расстраляныя на ўскрайку вёскі.

Першы буйны населены пункт раёна, вёска Празарокі, была вызвалена 30 чэрвеня 1944 года.

ЛІТАРАТУРА

1. **Плавинский, С.** Освобождение / С. Плавинский // На страже – 2008. – 4 июля. – С. 11, 14.

Плавинский, С. Освобождение / С. Плавинский // На страже – 2008. – 4 июля. – С. 11, 14.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

На перекрестке дорог Полоцк–Глубокое и Дисна–Кубличи стоит большое село Прозороки. В памяти большинства жителей годы немецкой оккупации остались леденящими душу воспоминаниями. В начале марта 1944 года немцы сняли с фронта отдельные части и начали планомерное уничтожение партизанских отрядов, вошедшее в историю как блокада. В нескольких километрах от Прозорок в партизанской зоне велись ожесточенные бои. Были полностью уничтожены деревни Чешки, Дивники, Гвоздово и многие другие. К концу апреля немцы прошли почти всю партизанскую зону. Целых деревень осталось мало. Партизанское движение было практически ликвидировано.

К маю местечко опустело. Немцев осталось в несколько раз меньше, сократилось и количество их союзников. Автомобили и всю боевую технику отправили на восточный фронт. Комендантский час не был отменен, но после двухлетнего перерыва поезда стали ходить круглосуточно. Часто на улице можно было встретить не совсем трезвых немецких солдат.

Продолжала работать мастерская по ремонту танков и автомобилей: седой немец в спецодежде целыми днями газосваркой ремонтировал технику. Ему помогали несколько солдат. Недалеко от нашего дома остался медицинский пункт. Раненых немцев обслуживали в первую очередь. После оказания первой помощи тяжело раненых увозили в Глубокое. После обеда немецкий врач принимал местных жителей. Собиралось по 20–30 больных, все несли ему сливочное масло и яйца. Собранных за день продуктов хватило бы на целый взвод.

Два пожилых немецких солдата «оккупировали» часть нашего огорода. Видимо, за годы войны их руки соскучились по земле. По поводу этих грядок мой отец как–то сказал: «Пусть работают – урожай собирать будем мы!»

Информации о событиях на фронте не было. В качестве пропаганды немецкие солдаты показывали местному населению журнал с большой статьей о высадке десанта союзных войск в Северной Франции 6 июня 1944 года. С юмором и сальными шутками они комментировали фото, на котором было хорошо видно, как американцы убегали от немецких солдат. Мы не всему верили, что там было написано, но открытие второго фронта было для нас радостной новостью. Все понимали, что немцы терпят неудачи, война идет к концу. Своеобразным источником информации для нас была железная дорога. Во второй половине июня почти все эшелоны стали двигаться в западном направлении: днем проходило до 20 поездов, а на восток 1–2. Началось отступление немцев.

27 июня я с друзьями купался в пруду около дороги на Полоцк. И вдруг мы увидели колонну немецких машин, которая двигалась на запад. Большинство из них не останавливались в Прозороках. Все мы поняли, что наступает конец трехлетней ненавистной оккупации. 28 июня немцы отступали непрерывным потоком. Солдаты ехали на машинах, лошадях и шли пешком. Стали распространяться слухи, что последние отступающие части будут жечь по пути все населенные пункты и забирать скот у местного населения.

Местечко опустело. Жители вывели коров и вынесли из домов самые ценные вещи, лошадей спрятали на болоте еще раньше. На лицах всех людей был только страх, никто не улыбался. Из всей семьи я только один остался дома – беречь то, что в нем осталось.

29 июня было уже не отступление, а самое настоящее бегство. Я стоял около дороги на Зябки и смотрел на немцев. Справа по дороге двигались машины, а слева – телеги и пешие солдаты. Несколько десятков солдат бежали трусцой. Вместе с солдатами убегали и полицаи. Вдруг я увидел знакомые лица: это были немцы нашего гарнизона. Все они были пожилыми. Очень неохотно вступали в разговор с местными жителями. Только один солдат пытался объяснить нам, что они не отступают, а просто выравнивают линию фронта. Новость о том, что в Прозороках уже нет гарнизона, на хутор Луги я принес первым, туда из местечка сбежало шесть семей. К вечеру в Прозороках остались только несколько старушек.

Отступление оккупационных войск продолжалось до самой ночи, наши самолеты регулярно бомбили колонны врагов. С наступлением темноты немцы подожгли казарму, школу, блочное зернохранилище и еще три дома – все, где можно было расположить большое количество солдат. Уцелели льнозавод, маслозавод, мельница и второе зернохранилище. Но мы тогда еще не знали об этом и с тревогой смотрели вдаль на черные клубы дыма. До поздней ночи никто не ложился спать. Все были настолько потрясены событиями последних дней, что долго не могли уснуть.

Ночью с 29 на 30 июня в пяти километрах на восток от Прозорок был взят в плен немецкий генерал. Его форма отличалась от формы других офицеров широкими красными лампасами, китель был вышит золотистыми нитками. Целый день генерала держали во временно пустующем доме тетки Броньки.

30 июня дыма уже не было и на дороге – никакого движения. Взрослые боялись возвращаться в свои дома и опять отправили меня «в разведку». На проселочной дороге ни души. Но когда я подходил к Марусинскому лесу, то навстречу вышел небольшого роста краснармеец. На нем была гимнастерка, кирзовые сапоги, скатка, но больше всего привлекала внимание винтовка с оптическим прицелом. Он стал расспрашивать, где находятся немцы. Я объяснил, какая обстановка была вечером и указал ему самый безопасный путь к деревне Дегтярево. Он пошел логом вдоль высокой ржи. У меня же появилось к нему уважение и даже какая–то зависть. Он смело шел впереди армии, а перед ним убегали десятки тысяч немцев…

Около церкви возле березы я заметил солдата в серой шинели, рядом был вырыт небольшой окоп и стоял пулемет. Красноармеец молча пропустил меня в местечко.

В нашем доме на полу, сняв только сапоги, крепким сном спали бойцы. Я прошел между ними, но никто и не проснулся.

На улице еще было несколько солдат и два офицера. Спустя некоторое время я принес солдатам воды, и они стали завтракать. Ели что–то холодное (потом я узнал, что это был концентрат и довольно вкусный) и холодной водой запивали. Вид у них был усталый. Несколько дней они не брились. Серые шинели, гимнастерки, кирзовые сапоги, автоматы ППШ и вещмешки – вся их экипировка. Но настроение было бодрое, часто шутили. В поведении не чувствовалось страха. Казалось, они находятся в привычной для себя обстановке. Несколько раз пролетали над нами самолеты – они лишь равнодушно провожали их взглядом.

Я решил вернуться на хутор и рассказать об увиденном, но солдат, что стоял около березы с пулеметом, вернул меня обратно. В поисках выхода из местечка я шел по совершенно пустой улице до базарной площади. Там встретил местного парня, который мне сообщил, что из местечка не выпускают – он пытался выйти в нескольких местах.

В конце базарной площади стоял пустой дом Парфена, который погиб в мае 1944 года. Зашли туда и стали думать, што делать дальше. В это время раздались пулеметные очереди. Мы выбежали из дома и увидели, как по железной дороге медленно двигался дизельный вагончик с немцами. По нему и вели огонь из нескольких пулеметов красноармейцы. Вагончик на мгновение остановился, а потом стал быстро набирать скорость в обратном направлении. Обстрел из пулеметов продолжался, пока тот не исчез за поворотом…

Через несколько минут раздался сильный взрыв, потом еще несколько менее мощных, и над станцией Зябки поднялись клубы дыма. Там немцы взорвали водонапорную башню. Мы рассчитывали, что теперь наши пойдут в наступление. Но прошел примерно час, а солдаты оставались на своих местах. На участке от церкви до хутора Дроздовича всего лишь семь постов. Красноармейцев в местечке было мало. Стало ясно, что наступать некому. Фактически здесь был фронт, передовая линия проходила там, где стояли семь солдат. Так, 30 июня Прозороки оказались на передовой. Фронт здесь стоял приблизительно восемь часов. Мы не дождались наступления и решили «перейти линию фронта». Рожь была высокой, и сравнительно просто позволяла пройти между двумя постами. Мы двинулись в направлении хутора Ткача. Ночью его разбомбили. Пострадали хозяйственные постройки, а жилой дом остался целым, не было и жертв.

Придя на хутор Луги, я рассказал о том, что видел в местечке. Взрослые не решались выходить из хутора, и все внимательно смотрели на дорогу Прозороки–Зябки. Спустя несколько часов с востока показалась колонна машин. Я снова побежал в местечко, но на половине пути заметил, как над дорогой кружат немецкие самолеты. Машины с пехотой останавливались, и солдаты быстро разбегались в стороны от дороги. В воздухе шел бой. потом появились еще девять компактно летящих самолетов. Они развернулись, не долетая до Прозорок, а потом, спускаясь вниз, сбрасывали по три бомбы. Атаковали нашу колонну в трех километрах от Прозорок. Во время бомбежки погиб полковник. Он был с почестями похоронен в том месте, где сейчас стоит памятник погибшим героям.

Второй раз попав в Прозороки, я увидел совершенно иную картину. В центре местечка стояли десятки «студебеккеров», много солдат прогуливались по улицам. Местные девушки, надев свои лучшие наряды, рассматривали своих освободителей. Около дома, где сейчас находится музей Буйницкого, стояли скамейки. Тут расположились шесть девушек в солдатской форме. Звонкими голосами они пели фронтовые песни: «В землянке», «Темная ночь», «Огонек». Мы этих песен тогда еще не знали, но они нам очень понравились. Пели с душой, по несколько раз. Вокруг собралось много людей. У местных жителей исчез страх, лица сияли. Одна из шестерых девчат в солдатской форме, глядя на наших девушек, с тоской сказала: «Когда уже мы будем расхаживать в босоножках и красивых платьях?...». Кто–то из солдат запел знаменитую «Катюшу», и все ее подхватили. Песни звучали еще долго. Получился настоящий праздник. Но разадалась команда «По машинам!», загудели моторы и колонна увезла наших случайных знакомых. Тишина стояла недолго, по дороге на Зябки двинулись танки. Эта была могучая техника. Рев двигателей и дрожь земли под ногами красноречиво говорил о их мощи. Танков было больше ста. Расстояния между ними – довольно большими. Колонну сопровождали наши истребители.

Солнце уже находилось низко над горизонтом, когда я возвращался в Луги. По дороге продолжала двигаться пехота и часть нашей артиллерии. В сторону Бузыщины и Головней наши бойцы шли до позднего вечера: уставшие, измученные, загорелые… Были слышны команды: «Не

отставать!». Жара спала, дышать стало легче. Я стоял около дороги, смотрел на сотни, а может, тысячи лиц. Улыбались очень немногие. Молодым топалось легко, а вот пожилые явно напрягали силы. Сколько они прошли за этот день?

Движение большого количества солдат приковывало внимание, завораживало, гипнотизировало. Суровые лица, уставшие, небритые, но страха на них не было – такие в бою не струсят и в плен здаваться не пойдут. Это были настоящие, закаленные в боях солдаты. Они вынесли на своих плечах всю тяжесть войны. Здесь шли те, о которых будут потом говорить, что они прошли от Москвы до Берлина. На всю жизнь мне запомнились эти минуты. Я смотрел на их лица, и выражение каждого из них укрепляло мою веру в неизбежность нашей победы.

Мы вернулись в свой дом и обнаружили табличку около бывшей школы: «Проверено – мин нет!». По дороге двигалась боевая техника, сверху пролетали самолеты… Последующие дни были однотипными, и в памяти они не сохранились.

После войны, шагая в солдатском строю, я много пропел песен. Но одна из них мне запомнилась больше всего. Она мне напоминала о тех уставших содатах, которые нас освободили 30 июня 1944 года. В ней были такие слова: «…В бою не отступят, врагу не уступят такие ребята, как я!».

Стефан Плавинский